

Кто-то призван к ответу,
Кто-то к Всевышнему,
А кто-то кому-то служить.
Господи правый!
Кто же научит жить?

В. Сундаков. «Кто?»

В этот момент мне как-то становится
понятно необычайное слово о том, что
времени больше не будет.

Ф.М. Достоевский. «Идиот»

И люди вдруг поняли, что они оста-
лись совсем одни, и разом почувствова-
ли великое сиротство.

*Ф.М. Достоевский.
«Дневник писателя»*

Глава 1

АТАКА

Движения не ощущалось, но он совершенно точно знал, что Вселенная продолжает стремительно расширяться, катастрофически теряя плотность и связность. И вот наступил момент, когда сила гравитации уже не в состоянии была удерживать звезды в границах галактик. Начался неуправляемый и быстрый распад звездных спиралей, напоминающий издали — с расстояния в сто тысяч световых лет — грандиозный фейерверк.

Изумительно красивая трехрукавная спираль, вмещавшая более двухсот миллиардов звезд, внезапно потеряла четкие очертания, на глазах стала расплываться, распухать, увеличиваться в объеме, превращаться в зыбкий туманно-сверкающий шар, который также продолжал расширяться, бледнеть, гаснуть и рассасываться. Процесс закончился неслышимым эфемерным взрывом:

тающие вихри звезд прянули во все стороны с возрастающей скоростью, превратились в прозрачно-искристые струйки, в свою очередь продолжающие расплываться светящимся призрачным дымком. Еще несколько мгновений — и от сияющей звездной системы не осталось ничего, кроме уносящихся в бездны пространства редких светлячков-звезд!

Впрочем, та же судьба постигла и остальные галактики, входящие в местное скопление. Они тоже превратились в колоссальной величины световые в з р ы в ы, в расширяющиеся сферы, быстро редющие и улетающие во тьму космоса, как искры костра.

Вселенной завладела тьма. Пока еще не абсолютная, не полная: исчезли только звездные острова, гигантские структурные образования, эллиптические, шаровые и спиральные, сами же звезды, сохранившие в большинстве своем планетные системы, продолжали светить.

Но вот подошла очередь и планетных систем. Сила, разрушившая галактики, добралась до более мелких объектов.

Сначала начали отрываться и уноситься в космические дали крайние планеты систем. В Солнечной системе это были Плутон со своим спутником Хароном и Нептун, хотя справедливости ради следовало бы сказать, что первыми «откололись» астероиды и ядра комет из облака Оорта и кольца Койпера, замыкавших границы Солнечной семьи.

Затем наступил черед больших внешних планет — Урана, Юпитера и Сатурна, а за ними мячиками заскакали по космическим «полям» Марс, Земля, Луна, Венера и Меркурий, удаляясь от распухшего и покрасневшего светила.

Некоторое время ничего особенного не происходи-

ло. Если не считать того, что лишенная притока солнечной энергии жизнь на планетах замирала, засыпала, пыталась спрятаться в недрах. Но по мере остывания ядер жизнь окончательно покидала сферические тела планет, и они превращались в холодные каменно-металлические и ледяные глыбы, покрытые сетью трещин и слоем замерзших газов.

Однако процесс расширения пространства не останавливался, наоборот, все больше ускорялся, вовлекая все новые и новые уровни материи в колоссальной протяженности взрыв. А точнее — р а з р ы в! И ничто в мире не могло остановить этот чудовищный процесс!

Первыми начали растрескиваться, разваливаться, разрываться, распадаться на куски планеты поменьше — Луна, Меркурий, спутники Юпитера и Сатурна, превращаясь в фонтаны разлетающихся во все стороны осколков.

Картина разрушения повторилась даже в деталях, разве что разрыв планет, астероидов и более мелких небесных тел не сопровождался столь масштабными фонтанами огня, как распад звезд. Световых извержений и вспышек было меньше, и после них космосом завладела глубокая всеобъемлющая темнота. И тишина.

Но ненадолго.

Вслед за разрушением достаточно больших твердых материальных образований наступила очередь другого уровня: сила, растягивающая пространство, добралась до молекул и атомов.

Космос буквально вскипел!

Тьму смыло море огня! Засверкали и заискрились бесчисленные пылевые и газовые облака — все, что осталось от звезд и планет! Потоки и паутинки света, исторгнутые атомами при сбрасывании «шубы» электронов, со-

единились в удивительно красивую мозаичную объемную вуаль. И погасли! По необъятным просторам расширяющегося Мироздания мчались теперь плазменно-ионные сгустки, ядра атомов, ионы и электроны, теряя остатки энергии.

Но и этот период «атомного Апокалипсиса» длился недолго. Буквально через несколько мгновений начали распадаться ядра атомов, а вслед за ними — сами элементарные частицы: протоны, нейтроны, мезоны, электроны. Новое вселенское пламя охватило пространство, превращая космос в одну колоссальную плавильную печь...

Последними разорвались «кирпичики» Мироздания, кварки и квадрупольные, образующие основу основ — вакуум, великую «пустоту» Вселенной. В вечно кипящем «суперхаосе» Большой Вселенной образовался не выразимый никакими словами, необъяснимый, неподдающийся никаким оценкам, измерениям и чувствам провал! Абсолютная п у с т о т а!..

Маттер вышел из операционного поля инка, нарисовавшего ему в логарифмическом масштабе времени панораму гибели Вселенной от Большого Разрыва, некоторое время сидел неподвижно, глядя перед собой ничего не видящими глазами. Потом потер темя ладонью, взял со стола чашку с остывшим чаем и залпом выпил. Пробормотал глубокомысленно:

— Впечатляет, однако... Может быть, Дан прав? Мы зря сопротивляемся, спасая человечество? Спасать-то надо кое-что посерьезнее...

В сердце внезапно вошло беспокойство.

Герхард встрепенулся, быстро переключил сферы внимания, просканировал здание института ментальным «локатором».

Интуиция встревожилась не зря. В здании ИВКа появилась область негативных эмоций и устремлений, от которой потянулись незримые «щупальца» подозрительного внимания к той территории Института, где в данный момент работал Маттер. А поскольку ученый давно жил по законам «оккупационного режима» — в связи с преследованием интрасенсов, — то готов был к любой неожиданности. В данном случае «нештатные колебания» ментальных полей означали появление чужих и, судя по всему, опасных людей. Которые, вероятнее всего, работали на Службу.

— Пора, — вслух проговорил Маттер, с сожалением окидывая взглядом свой уютный рабочий модуль. — Недолго музыка играла...

Над столом бесшумно развернулся бутон виома, на хозяина кабинета глянул своими прозрачно-голубыми глазками начальник безопасности Сопротивления Карл Золотько:

— Немедленно уходите, Герхард! За вами пошла ойма охотников! На пару минут мы их задержим, но не хотелось бы устраивать серьезную перестрелку.

— Трудновато менять образ жизни.

— Я вас понимаю. Но у каждого мужчины нашего с вами возраста наступает период, когда чистые носки проще купить.

Маттер вздернул лохматые брови.

— Это вы о чем?!

— Я родил это изречение, когда от меня ушла жена. Применительно к нашей ситуации оно переводится так: позаботьтесь о главном, в данном случае — о собственной шкуре, остальное доверьте обслуживающему персоналу. Метро Института заблокировано, поэтому подни-

майтесь на сорок третий уровень, на балконе холла вас будет ждать экипаж.

— Конечный пункт высадки?

— Первая база, естественно.

— То есть остров Завьялова. Что ж, можно работать и там.

— До встречи.

Виом погас.

Маттер встал, прошелся по тесному помещению, доставая из ниш и рассовывая по карманам личные вещи и безделушки, подаренные друзьями, сделал прощальный жест:

— Бай, Зигфрид.

— Прощайте, — вежливо ответил инк модуля.

Через несколько минут ксенопсихолог сел в четырехместный флайт с эмблемой УАСС на борту, и аппарат унес его в небо над Рязанью, пронизанное сверкающими «снежинками» транспортной метели.

* * *

Джума Хан слушал командора Погранслужбы с превеликим вниманием.

Аюба Джонсон, сменивший на этом посту Калину Лютого, был медлителен, философски обстоятелен, любил порассуждать на тему влияния вверенной ему структуры на безопасность цивилизации и не терпел возражений. В сущности, он был неплохим руководителем, в меру жестким и решительным, но доктрину властей по отношению к интрасенсам поддерживал неукоснительно и старался выживать их из рядов пограничников всеми доступными методами. Даже если интрасенсы приносили пользу большую, нежели рядовые сотрудники.

— Он прекрасный аналитик, — не выдержал Хан;

речь шла о Винсенте де Гас-Артаньяне, молодом пограничнике, работающем в отделе эфанализа Погранслужбы; Винсент работал еще и на Соппротивление, но об этом командор не догадывался.

— Он слишком самолюбив, нетерпелив и самонадеян, — упрямо поджал губы Аюба Джонсон; широкий — на пол-лица — нос (Аюба был южноафриканским негром) придавал ему странное выражение: казалось, что командор всегда улыбается. — К тому же его способности не намного выше, чем у нормалов. А поскольку он раздражает людей, что не способствует поддержанию спокойной рабочей обстановки в коллективе, мы приняли решение уволить этого... мушкетера.

Хан усмехнулся.

Среди своих Винсента действительно называли мушкетером и д'Артаньяном, хотя никакого отношения к знаменитому французу, герою произведений Дюма, он не имел.

— Жаль. — Джума встал, мельком посмотрел на прозрачную стену-окно; беседа происходила в кабинете командора, венчающем одну из башен здания УАСС. — На мой взгляд, парень приносит нашей службе немалую пользу. Но дело ваше, вы отвечаете за структуру, вам и решать.

— Да, мне, — набычился Аюба Джонсон. — И мне не нравится, что вы продолжаете защищать ненормалов... я имею в виду этих людей, интрасенсов. Они всем только мешают.

Хан еще раз глянул на окно, где снова мелькнул корпус какого-то летательного аппарата. Случайно или нет, но пилот пинасса дважды заглянул в кабинет главы Погранслужбы, что едва ли можно было объяснить простым

любопытством. И тотчас же в ухе Джумы заговорила скрытая от посторонних глаз рация:

— Джу, вокруг вас началась с у е т а. Предлагаю тихо уползти по императиву «змея».

— Не вижу веских причин, — сказал Хан.

— Что? — не понял Аюба Джонсон.

Серебристый пинасс, отмеченный красным когтистым драконом — эмблемой пожарной службы, пролетел мимо окна в третий раз.

— Да, — вынужден был признать Хан. — Наверное, вы правы, Карл. Запускайте свою «змею».

— Что вы бормочете? — удивленно встопорщил брови командор.

Джума, не отвечая, подошел к стене-окну, глядя на панораму бескрайнего леса, из которого как грибы вырастали здания-башни экополиса Рязани. Солнце готовилось нырнуть за горизонт, близился вечер, но потоки воздушных машин продолжали мчаться во всех направлениях, создавая радостно-возбуждающее ощущение ж и з н и. Пульс цивилизации бился не переставая днем и ночью, и лишь единицы из двенадцати миллиардов жителей Земли знали, что пульс этот вскоре ослабеет, иссякнет и сойдет на нет. Путь в будущее человечеству был заказан.

— Что происходит? — Аюба Джонсон вышел из-за стола, одетый в сине-зеленый мундир официала. — Почему вы себя так ведете, мистер Хан?

— Я подаю в отставку, — сказал Джума меланхолично. — На покой пора, знаете ли. Укатали сивку крутые горки.

— Я вас не понимаю...

— Прощайте, мистер командор. Думаю, вы прекрас-

но обойдетесь без моих советов. Хотя решение уволить Винсента ошибочно. Откройте окно.

— Зачем?!

— Откройте, хочу подышать свежим воздухом.

Сбитый с толку необычным поведением подчиненного командор выполнил его просьбу. Стена потеряла плотность, растаяла. В кабинет ворвалась волна прохладного свежего воздуха: начало марта на всей европейской территории России было еще зимним временем года.

Серебристый пинасс, маневрирующий возле башни Погранслужбы, кинулся было к ее вершине, но у него на пути внезапно возник синий флайт УАСС, вынуждая аппарат остановиться. Другой такой же флайт соколом метнулся с небес к зданию Управления аварийно-спасательной службы, воткнул клювообразный нос в окно кабинета. Откинулся блистер, человек, сидевший за спиной пилота, махнул рукой.

— Залезайте, Джума.

Это был Александр Золотько, сын Карла, отвечающего за охрану руководителей Сопrotивления.

Хан прыгнул в кабину, сел.

— Советую вам пересмотреть свое отношение к ненормалам, мистер Джонсон. Они больше люди, чем те, кого вы называете нормалами. Общественное мнение относительно их «ненормальности» инспирировано пропагандистами-манипуляторами партии власти — Ордена, и вы это знаете. Будьте здоровы.

— Куда же вы? — запоздало отреагировал негр. — Подождите...

— Вперед! — бросил Джума.

Флайт выдернул нос из окна кабинета и по спирали ввинтился в ближайший транспортный поток.

— Сбор на базе-один, — сообщил Александр Золоть-

ко — громадный, сильный, сдержанный; ему было еще далеко до Аристарха Железовского, но его манера поведения и мощная фигура внушали уважение.

— Что так?

— Поступают сообщения, что Служба начала активную фазу перехвата управления. Атака проведена сразу на многих интрасенсов и вивов Соппротивления.

— Значит, мы выявили не всех «котов»?

Золотько помолчал.

— Не всех. — Он снова помолчал. — Это трудно сделать, так как «крот» в данном случае должен быть интрасенсом.

— Надо подключить к этой проблеме всех наших «суперов», пусть выявляют предателя сами, он из их среды. Но для активизации «триай» нужны доказательства.

— Мы проанализировали наши провалы и неудачи, выводы неутешительны. Но у меня есть одна идея, как подобраться к шпионам Службы.

— Доложишь на совете безопасности.

Золотько кивнул.

Флайт спикировал к прозрачно-хрустальной пирамиде метро, сопровождаемый еще одной машиной прикрытия.

* * *

— Мы не добьемся успеха, если не внедрим разведчиков в недра самого Ордена, — сказал Баренц, меряя шагами веранду; коттедж председателя Российского парламента стоял на склоне сопки, и с высоты двухсот метров открывалась великолепная панорама камчатской Долины Гейзеров, сохранившей первозданный вид благодаря усилиям экологов, борцов за сохранение памятников природы.

— Кто этого не понимает? — угрюмо отозвался Иг-

нат Ромашин, стоя у балюстрады и глядя вниз, на долину.

Здесь было раннее утро, на склонах гор лежал снег, но микроклимат в долине из-за горячих ключей был практически южным, тропическим, поэтому в марте все давно зеленело и цвело. Ветерок приносил запахи трав и цветов — наравне с ароматами газовых выходов, но дышалось легко, как в лесу или на взморье.

— Карл не справляется со своими обязанностями, — продолжал Баренц, проведя по иссеченному морщинами темному от северного загара лицу ладонью. — Пора подумать о замене. Нужен молодой кадр, но при этом опытный и сильный. Есть у тебя такой? Ты как-то упоминал сына Карла.

— Саша хороший парень и компетентный специалист, но он, к сожалению, не интрасенс. А нам нужен мощный «супер» с уровнем Герхарда или Аристарха.

Баренц остановился рядом, заложив руки за спину.

— Где ты найдешь такого? Аристарх — штучная работа. Да и не уверен я, что все молодые интрасенсы мечтают о работе в контрразведке.

— Есть еще один кадр...

— Кочубей? Фон Хорст?

— Помоложе и поактивней.

— Ты меня заинтриговал. Кто?

— Дочка Клима.

— Дарья?! — Баренц с удивлением посмотрел на друга и соратника. — Ты не шутишь? Ей же всего двадцать лет! Она женщина... и вообще...

— Женщины тоже способны работать наравне с мужчинами и даже лучше. Вспомни Власту, Забаву, жену Калины Лютого. Я действительно считаю, что Даша справится. Да и мы поможем.

Баренц снова пошел кругами по веранде, размышляя. На лице его читалось сомнение.

— Не знаю... надо подумать. С одной стороны, она доказала, что может решать проблемы. С другой... Карл обидится.

— Карл умный, поймет. Да и сын его тоже, у него еще все впереди.

— Ладно, обсудим этот вопрос на совете. Пригласи Дарью... и Клима, разумеется. Без его одобрения я не дам согласия на замену.

— Придется подождать, — виновато развел руками Игнат. — Даша сейчас в других временах, в узле пять тысяч пятьсот пятидесятого года, осталась там с сыном князя, потомком Аристарха, как наш наблюдатель и агент. А Клим никому не подконтролен, решает какие-то свои проблемы и тоже, по-моему, находится не на Земле.

— Сможете найти его? Я хотел бы поговорить с ним лично.

— Попробуем.

— Хорошо, тогда разбежались. Ты куда?

— Сначала домой, заберу кое-какие вещи жены, потом на первую базу. Звонил Карл, на многих наших парней наехала Служба. Такое впечатление, что готовится направленная и хорошо подготовленная атака.

— В таком случае немедленно переводите все звенья Соппротивления на режим «инкогнито»! Надо упредить удар!

— Для этого я и собираю руководителей секторов и служб.

— Чем объяснить активизацию Ордена?

— Мы стали реальной силой. Соппротивление мешает Ордену чувствовать себя комфортно, хотя его иерархи чудовищно далеки от мысли, что ими кто-то управляет.

— Мы тоже до сих пор не понимаем, кто стоит за деятельностью Ордена, Службы и политиков СЭКОНа. Не черные же дыры в самом деле.

— Кто знает? — пожал плечами Ромашин. — Клим утверждает, что существуют инвариантные структуры разума, абсолютно чуждые нам по мировосприятию. Я ему верю. Да и Герхард говорит то же самое. Думаю, мы действительно столкнулись с деятельностью такой структуры, для которой человечество в целом — всего лишь малозначимый фактор, мешающий осуществлять далекоидущие планы. Герхард вообще удивляется, что не может понять, кто наш враг, не может определить местонахождение центра управления. Его нет! Это явно не Орден, не ВКС, не СЭКОН, но тем не менее ни одна властная структура не запрещает тому же Ландсбергу экспериментировать с эйнсофом.

— Иногда я начинаю сомневаться в собственном существовании. Может быть, как писали фантасты прошлого, мы и в самом деле всего лишь программы в виртуальной реальности некоей глобальной компьютерной Матрицы?

— Если под Матрицей подразумевать Вселенную, то так оно и есть. Хотя лично я верю, что каждый из нас имеет право выбора.

Баренц слабо улыбнулся, отчего каменное его лицо на миг оживилось, сверкнули небесной синью мудрые усталые глаза.

— Хотелось бы верить.

Они пожали друг другу руки, и Ромашин ушел. Уже по дороге к личной установке метро Баренца он получил по радиации сообщение о нападении на Джуму Хана и Калину Лютого и сразу направился на базу Сопrotивления на остров Завьялова в Охотском море.

После ухода в «подполье», то есть после перехода на режим «инкогнито», Железовский временным местом обитания на Земле выбрал Крымские горы. Здесь он когда-то жил в детстве несколько лет и совершал мальчишеские подвиги, надолго забираясь под землю, в пещерные города и лабиринты Крыма.

На этот раз он поселился в одной из пещер Дырявого мыса в обрывах Мангупского плато, развернув там индивидуальный модуль «Турист». Аппаратура и оборудование модуля позволяли владельцу жить в достаточно комфортных условиях в течение двух месяцев, что вполне устраивало Железовского.

Во-первых, он не собирался отшельничать так долго, появляясь в пещере эпизодически, для короткого отдыха. После рождения сына он чаще стал покидать Землю, чтобы провести больше времени с малышом. Во-вторых, за территорией Крымских гор не следили спецспутники Службы, так как она сохранялась в первозданном виде как памятник природы всемирного значения, и на ней не строились коттеджи «випов» и жилые «муравейники».

Дырявый мыс, на котором сохранились остатки стен древнего монастыря, и вправду выглядит дырявым вследствие того, что противоположные стенки пещер обвалились, из-за чего и образовались сквозные отверстия, видимые издали. Лестница, прорезанная в скале, ведет в самую большую пещеру, из которой прорублены входы в маленькие кельи. В одной из таких келий Железовский и устроил себе жилище, побеспокоившись и об охране модуля: комплект был снабжен системой «хамелеон», маскирующей модуль под скалу, а также инфразвуковым сканером. При включении сканера люди испытывали

страх и желание побыстрее убраться из этих мест, поэтому случайные посетители музея под открытым небом едва ли могли обнаружить убежище. А те, кто мог это сделать, имея соответствующую аппаратуру, не догадывались, что на склонах Мангупа — главной горы Крымской гряды — расположился объявленный во всепланетный розыск беглец.

Третьего марта Аристарх проснулся в двенадцать часов дня; в пещере он появился в пять утра, уснул в шесть и таким образом проспал всего шесть часов. Для отдыха этого вполне хватало, математик довольствовался обычно четырьмя часами сна в сутки. Но проснулся он не из-за того, что пора было включаться в работу, а по причине внутреннего неудовлетворения: сторожевая подсознательная система почуяла негативные природные токи, всплески и сгущения ментальных полей, что всегда предшествовало неприятным изменениям обстановки на физическом плане.

Аристарх привычно просканировал окрестности пещеры «локатором» «третьего глаза», ничего опасного не обнаружил и встал. Сделал зарядку, облился горячей, а потом холодной водой, выпил литр айрана, размышляя над причинами своих ощущений. Собрался было выйти на волну «спрута», чтобы выяснить новости у дежурного по штабу Сопrotивления, и в этот момент в голове надулся и тихо лопнул теплый шарик парасвязи. Перед мысленным взором Железовского возникла зыбко-текучая призрачная фигура, заискрилась звездочками, как новогодняя елка. Сверкнули янтарно светящиеся легко узнаваемые глаза.

«Клим?! — удивился Аристарх. — Рад тебя в и д е т ь!
Ты где?»

«Далеко. Немедленно мчись на первую базу, Служба

вычислила ее координаты и подготовила засаду! Туда направились почти все наши, их надо предупредить!»

«Каким образом Службе удалось выйти на базу?!»

«В Соппротивлении окопался «крот» Службы, интрасенс. Не теряй времени на вопросы, лети туда. На острове Завьялова когда-то располагалась база атомных подводных лодок России, одна из лодок до сих пор стоит в подземном доке, законсервирована, но вполне готова к плаванию. Метро базы на выход заблокировано, поэтому спасти наших можно будет только через систему старых штолен и бункеров атомной базы».

«Понял. А ты?»

«Я на Голгофу. Служба вот-вот накроет и это наше убежище. Переправишь всех, кого удастся спасти, на запасную базу в системе Ван-Бисбрука».

«Сделаю».

«Удачи!»

Мостик парасвязи расплылся незримым дымком, исчез.

Железовский выругался вслух, постоял несколько мгновений, прикидывая варианты действий, выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы и начал собираться. Через две минуты, натянув уник-«хамелеон» и вооружившись, он достал из кармана на рукаве прозрачно-туманный зеленоватый шарик трансфера и скомандовал оператору перенести его в систему метро земного уровня. Еще через несколько секунд он вышел из кабины метро первой базы Соппротивления в недрах острова Завьялова.

* * *

Ромашин почувствовал тревогу, встретив на выходе из отсека метро незнакомую женщину в серо-коричневом кокосе аварийщиков-спасателей. Женщина — у нее были отчетливо видны усики — повела себя странно, за-

мерла, словно не ожидала встретить в отсеке постороннего человека, потом сделала вид, что занята разговором с каким-то абонентом по рации: у нее был выдвинут из воротника кокоса усик антенны.

Ромашин поздоровался, получил в ответ кивок, удивился, так как обычно сотрудники базы вели себя вежливее, но выяснять личность незнакомки не стал. О чем впоследствии пожалел. Тем не менее какое-то неясное подозрение зашевелилось в душе, и он решил зайти на терминал охраны, чтобы успокоить внутреннего «сторожа». Однако дальнейшие события развернулись столь быстро и неожиданно, что не сработали ни реакция, ни недюжинный опыт безопасника.

Его впустили в терминал... и очнулся Игнат только через пятнадцать минут. Нападение произошло в тот момент, когда он переступал порог помещения: в него выстрелили из парализатора «Дерк». Импульс был настолько мощным, что не помогли ни псиперсонком — полевой защитник под волосами на голове, ни собственная воля.

С трудом подняв гудящую голову, Ромашин увидел чьи-то ноги и понял, что лежит на полу отсека.

— Очухался, — сказал кто-то глухим баском.

Его бесцеремонно схватили за руки, проволокли по полу и прислонили к стене.

— Привет, — раздался рядом знакомый голос. — Вам не кажется, сэр, что мы с вами где-то встречались?

Ромашин повернул голову, поморгал, прочищая глаза от слез, узнал Джуму Хана.

— Что происходит?

— Угадай с двух раз.

— Служба...

— Уже хорошо, начинаешь соображать.

— Они накрыли базу...

— Идешь в верном направлении.

— У нас предатель!

— Гениально! Жаль, руки связаны, не то поаплодировал бы.

Игнат окончательно пришел в себя, скривил губы.

— С чего это ты веселишься?

— Не плакать же? Скрутили, как котят. Хорошо, что не убили сразу.

К ним подошли двое в костюмах спасателей, молодой парень с длинными волосами и мужчина постарше с квадратным лицом и равнодушными глазами.

— Заткнитесь!

— Это нервное, — ухмыльнулся Джума Хан, на скуле которого багровел кровоподтек. — Может быть, представитесь?

— Заткнись, я сказал! — Длинноволосый пнул его ногой в бок. — Мало получил? Еще хочешь?

Джума свалился от удара на бок, повозился, устраиваясь на прежнее место, глянул на парня посветлевшими бешеными глазами.

— Ударишь еще раз, ублюдок, убью!

Парень замахнулся... и упал на спину от удара Ромашина ногой под колено. Вскочил, бледный от ярости, «универсал» на его плече нацелил ствол на голову Игната.

— Прекрати, — пробасил квадратнолицый равнодушно. — Они нужны нам живыми и более или менее здоровыми. Свяжите его!

Ромашина повалили, связали руки, снова прислонили к стене.

— Код допуска к терминалу управления базы! — наклонился к нему квадратнолицый. — Будет лучше, если вы назовете его сами. В противном случае нам придется

покопаться в вашем черепе аппаратно, а это чревато последствиями.

— Вы знаете, с кем имеете дело? — сжал зубы Игнат. — Я официал-аналитик отдела криптоисследований Службы безопасности Европейского филиала, код допуска — «три нуля».

— Знаю, — небрежно отмахнулся квадратнолицый. — Я полковник кримсектора Службы Хольм Рыбак-Алим. Действую по приказу, ничего личного. Так вы дадите нам код или нет?

— Угадайте с двух раз.

— Значит, нет. — Полковник разогнулся. — Начинайте.

К пленникам подошла женщина средних лет, держа в руке вычурной формы блестящий кейс. У нее было тяжелое неприятное лицо. Развернув кейс, она достала пневмошприц, две чашечки-присоски с проводками и какой-то прибор с мигающими индикаторами.

Хан и Ромашин переглянулись.

— Краниосканер, — одними губами произнес Джума. — Плохи наши дела. — Он попытался встать. — Начни с меня, красавица, я очень люблю щекотку.

— И до тебя дойдет очередь, — раздвинула в улыбке узкие губы женщина. — Уважай старших.

— Освобожусь, мы с тобой славно проведем время, обещаю.

— Разве что в другой жизни, шутник.

— Как тебя хоть зовут, красавица?

— Зачем тебе? Все равно забудешь.

— Никогда!

— Поручик Мария Звездецкая.

— Такое милое имя... и такой козе досталось!

Глаза женщины сузились, метнули на Джуму испепеляющий взгляд.

— Тобой я займусь с особым удовольствием, весельчак. Забудешь не только свое имя, но и то, что ты мужчина.

— Не заводись, Джу, — покачал головой Ромашин. — Она всего лишь халдей, исполнитель. Нам нужен руководитель, заказчик.

— Он сейчас подойдет, — осклабился квадратнолицый командир поручика Звездецкой. — Будете приятно удивлены.

— Я готова, — посмотрела на него женщина.

— В последний раз... — начал полковник Рыбак-Алим и не закончил.

В помещении терминала охраны базы — шесть на шесть метров, вириал инка слежения, двенадцать висящих в воздухе объемных мониторов с картинками помещений, пять человек в костюмах спасателей — сотрудники группы захвата, два тела на полу — охранники дежурной смены, — вдруг возникло д в и ж е н и е. Призрачный вихрь, не имеющий определенных очертаний, но ощути-мо жесткий и стремительный, одного за другим впечатал в стены комнаты всех оперативников — с такой силой, что никто из них не смог впоследствии встать сам, отшвырнул полковника и остановился. Несколько мгновений он оставался текучим прозрачным призраком, затем превратился в громадную человеческую фигуру в «дымящемся» комбинезоне с турелью «универсала» на плече.

— Аристарх! — заулыбался Джума Хан, пытаясь встать. — Ты, как всегда, вовремя.

Женщина, застывшая в ступоре с прибором в одной руке и шприцем в другой, бросила свои игрушки, выхватила оружие — гипноиндуктор «Удав», собираясь открыть стрельбу. Железовский повернул к ней голову, в глазах его сверкнул мрачный огонь.

— Замри!

Поручик Звездецкая вздрогнула, широко открывая глаза, снова застыла.

— Спи!

Женщина закрыла глаза и мягко осела на пол.

Зашевелился Ромашин, кряхтя, поднялся, подставил спину.

— Развяжи.

Аристарх достал молик — универсальный нож с молекулярной заточкой, разрезал ленту скотча, стягивающую запястья Игната. То же самое сделал Джуме Хану.

— Поторопитесь.

— Их тут как тараканов, — кивнул на мониторы Джума. — Вряд ли мы пробьемся к метро.

— Мы не пойдем к метро. — Железовский подошел к неподвижно лежащим дежурным, проверил пульс у каждого.

— Парализованы, — сказал Джума, наблюдая за ним. — У оперов «Дерки» и «Удавы», и напали они неожиданно, никто не успел дать сигнал тревоги. Интересно, какая зараза нас сдала?

— Этот щенок, — Ромашин показал пальцем на длинноволосого, — заикнулся, что сейчас сюда придет их главный. Якобы для нас это будет сюрпризом.

— Ждать не будем, — качнул головой Железовский, озабоченно прислушиваясь к чему-то. — Соберем наших, кого сумеем, и уйдем. Я и так узнаю, кто сдал базу.

— Если не через метро, то как мы уйдем отсюда? Твой транслятор не заберет нас всех.

— Есть другой путь. — Аристарх выглянул в коридор, махнул рукой, и руководители Сопrotивления последовали за ним, чувствуя силу и уверенность, исходящие от человека-горы.

Глава 2

ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ СПУСТЯ

Они стояли на плоской вершине рукотворной скалы и разглядывали панораму огромного города, занимавшего площадь в двенадцать тысяч квадратных километров.

Пекин, столица Син-империи, представлял собой унылый бетонно-асфальтовый «оазис», из которого вырастали сотни решетчатых остовов и скелетов зданий, многие из которых уже рухнули, а остальные напоминали памятники, стелы и надгробия бесконечного кладбища. Время не пощадило ни старинные строения в форме фанз, ни более поздние геометрические чудовища эпохи «китайского прорыва в космос», ни новейшие — возрастом от пятисот до двухсот лет — дома-башни, представляющие собой замкнутые экосистемы, независимые от природных условий. Пекин вообще был единственным мегаполисом на Земле, по мнению Дара, где до сих пор существовали улицы, дороги, площади, технические сооружения, остановленные навек тротуары, но не было ни парков, ни садов, ни лесных зон. Другие города мира утопали в зелени, он же казался серо-коричневым бельмом на теле планеты, на котором почему-то не спешили селиться звери и не росли деревья. Лишь изредка глаз цеплялся за желто-зеленоватые вуали вьющихся растений у подножий развалин, но их было мало. Господствующим цветом Пекина пятьдесят шестого века оставался серый и все его оттенки вплоть до черного.

— Невеселый пейзаж, — поежилась Дарья. — В наши времена Пекин выглядит иначе. Даже не верится, что Китай когда-то был ведущей державой мира. Ты зачем меня сюда притащил?

Дар прижал ее к себе, не отвечая. Он и сам не знал, что потянуло его в другую часть света, живущую своими законами и заботами. Китайская община, так же, как и Светорусь, обживала в настоящее время леса и степи юга страны, города бывшей империи умирали с такой же неизбежностью, как и везде, но все же было интересно сравнивать творчество местных зодчих и архитекторов других уголков Земли, нередко находивших удивительные сочетания традиционных форм с новейшими достижениями науки и техники.

— Что молчишь?

— Думаю... — очнулся он.

— О чем?

— То, что мы видим, — это беспорядок, упадок, социальный хаос и смерть. Существует ли объективный нравственный порядок? Всеобщий закон, созданный Творцом? И могут ли осознать его люди?

Дарья высвободилась из его объятий, с удивлением посмотрела на задумчивое лицо друга.

— Ну и вопросы вы задаете, однако, чистодей! Спали плохо? Али чувствуете неприятное шевеление эфира?

Дар не обиделся.

— Я и в самом деле хочу это знать. Почему вырождается человечество? Это действительно объективный процесс — рождение и вымирание цивилизаций? Кому это нужно? Для чего тогда мы рождены, если все равно уйдем в небытие? Неужели мы всего лишь промежуточная стадия какого-то вселенского разума?

Девушка хотела отшутиться, но заглянула в глаза Дара и не стала. Уголки ее губ опустились, придавая лицу необычное печальное очарование.

— Я никогда не задавала себе такие вопросы. Тебе бы побеседовать с дядей Герхардом, он большой фило-

соф, хотя и со странностями. Лично я считаю, что нравственность встроена во Вселенную наравне с законами логики и физики. А поскольку человек — существо несовершенное и в массе своей далекое от соблюдения законов нравственности, он и вымирает. И хватит философствований! Мне здесь неуютно.

— Поехали отсюда, — согласился он. — Что тебе еще показать? Хочешь, махнем в Антарктиду? Там во льдах можно встретить любопытные вещи. Предки весь слой льда растапливать не стали, создали оазисы: диаметр шахты — от двух до десяти километров, на дне — город.

— Это еще в мое время начали создавать.

— Не хочешь?

— Не нравится мне в е т е р.

— Какой ветер? — не понял молодой человек.

— Пси-фон неспокоен, что-то происходит вокруг, но я не могу сосредоточиться.

— У меня то же самое, — признался он. — Словно смотрит кто-то сверху и ухмыляется...

— Посмотри на небо.

— Ну?

Дар включил «третий глаз» и сразу же увидел над городом парящую черную точку. Вызвал состояние гипервидения.

— Черная «ракушка»!

— Значит, я не зря чувствовала себя неуютно. Неужели они вернулись?!

Дар не ответил, следя за маневрами точки. Корабль отеллоидов находился за пределами атмосферы Земли, но это не имело значения. Не оставалось сомнений, что черные псевдолюди, принадлежащие расе Бье, снова появились у Солнца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. АТАКА	5
Глава 2. ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ СПУСТЯ	26
Глава 3. ЗАПАСНАЯ БАЗА	39
Глава 4. «КРОТ»	56
Глава 5. ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА	78
Глава 6. КЛАССИФИКАТОР	99
Глава 7. ПОГРУЖЕНИЕ В СТАКАН	112
Глава 8. ЧЕЛОВЕК — ДА	134
Глава 9. СОБЛАЗН.	154
Глава 10. ОСЫ ПРОТИВ БОГОМОЛОВ.	169
Глава 11. ИДЕАЛЬНЫЙ ЗАХВАТ	191
Глава 12. ЯРОСТЬ ПСИНЕУРА.	210
Глава 13. ПРЕДЛАГАЮ ОБМЕН.	229
Глава 14. КУБОИД.	244
Глава 15. Я ВАС НЕНАВИЖУ!	261
Глава 16. ГОРЕМЕ.	279
Глава 17. СТРАННЫЙ АТТРАКТОР.	295
Глава 18. КОЛЛАПС ШИВ КУМАРА.	314
Глава 19. ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ...	331
Глава 20. ХИРУРГ И ЗВЕРЬ.	344
Глава 21. ВЫБИРАЮ ЖИЗНЬ	356
Глава 22. ВЫБОР	375